

Александр Николаевич Островский (1823–1886)

«Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же, как и академии, университеты, музеи», — написал Островский в конце своего жизненного пути.

В русской культуре Островскому принадлежит совсем особое место: уже при жизни драматург был признан основоположником нашего национального театра. В 1868 г., когда Островский праздновал 35-летие своей работы для театра, И. А. Гончаров сказал ему в своем приветственном письме: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр». Он по справедливости должен называться: Театр Островского».

Сегодняшний театр — лишь один из очень многих элементов, формирующих современного человека. Свою уникальность как «училища масс» (выражение Аполлона Григорьева, поэта и критика, друга молодости Островского) он давно утратил, и это отнюдь не печально: напротив, это результат демократизации всех видов культуры, появления новых ее форм. Но то, что театр вообще сохранился и выжил, выдержал напор

истории и конкуренцию «молодых» муз, рожденных XX в., — результат усилий многих поколений мастеров всего мира, создавших такой театральный язык, который ничем другим заменить нельзя. У нас же в России этот язык создан Островским.

Сейчас даже трудно представить, какое место занимал театр в культурной жизни России XIX в. Он в то время брал на себя все функции, которые теперь сообща выполняют кино, радио и телевидение. Тогда именно театр был пропагандистом определенного стиля жизни, а также создателем своего рода эталонов облика и поведения «среднего» человека. Но еще важнее, что в то время театр был в России единственной формой некоего общественного собрания, узаконенной и общедоступной формой выражения если не личного мнения, то хотя бы личного вкуса. Театр владел редкой возможностью воздействовать и на минуту объединять в эмоциональном переживании происходящего на сцене все общество разом, его миниатюрную модель, как мы бы сказали теперь.

Все писавшие об Островском начинают повествование о его жизни с того, что биография его бедна внешними событиями и поведать о ней ярко и увлекательно трудно. Наверное, так оно и есть: жизнь Островского — жизнь человека, тяжело трудившегося, буквально прикованного к театральному механизму, с его жестким ритмом начал и концов сезонов, бенефисных спектаклей, к которым вымаливали пьесы друзья-актеры. А если еще учесть, что режиссуры, в современном смысле слова, не существовало и Островский, в большинстве случаев сам ставил свои пьесы (читал их актерам, иногда помогал исполнителям готовить роли), да еще прибавить неизбежные хлопоты в цензуре и Театрально-литературном комитете, следившем за репертуаром императорских театров, мы поймем, насколько велика была его занятость.

Жизнь Москвы, его родного города, и жизнь русского театра не просто тесно переплелись с биографией великого драма-

турга, но во многом прямо-таки воплотились в его личной судьбе и в его творчестве. И для познания этой, казалось бы, ушедшей жизни, которая, однако, продолжает сказываться как традиция, как корневая система культуры последующих эпох, а в чем-то и как непреходящие свойства национального бытового и психологического склада людей русской культуры, — для понимания всего этого судьба и дело жизни Островского дают богатейшие возможности.

В 1881 г., убеждая правительство в необходимости открыть в Москве русский театр, который был бы доступен самой широкой публике, Островский так определил характер города и его значение в национальной жизни: «...Москва — патриотический центр государства, она недаром зовется сердцем России... Москва — город вечно обновляющийся, вечно юный; через Москву волнами вливается в Россию великорусская, народная сила. Эта великорусская сила, которая через Москву создала государство российское. Все, что сильно в Великороссии умом, характером, все, что сбросило лапти и зипун, все это стремится в Москву...»

Сам драматург родился именно в такой московской семье, приехавшей в великий город с Волги — из Костромы. Причем дед и отец драматурга олицетворяли как бы два типа людей, стремившихся в древнюю столицу: для одних Москва — средоточие главных православных святынь, для других — деловой центр, дающий возможность приложить свои дарования и усердие и добиться успеха в мирской жизни. В 1810 г. дед писателя, Федор Иванович Островский, протоиерей костромской Благовещенской церкви, приехав в Москву, принял монашество в Донском монастыре, отец же писателя, Николай Федорович, напротив, окончив Московскую духовную академию, сделался чиновником. В 1820 г. Николай Федорович женился на дочери просвирни церкви Св. Николая близ Покровского моста. Просвирни — женщины, которые зарабатывали на жизнь тем, что пекли просфоры («просвиры» в русской бытовой речи) для какой-то определенной церкви. Чаще всего это были вдовы духовенства, как и бабушка драматурга по материнской линии.

Александр Николаевич Островский родился 31 марта 1823 г. в доме дьякона церкви Покрова Богородицы, который в это

время снимал его отец. Дом, расположенный между Малой Ордынкой и Голиковским переулком, сохранился, и в нем теперь музей Островского.

Островские жили в Замоскворечье, очень колоритном районе Москвы, сохранявшем во многом уклад жизни допетровской Руси. Замоскворечье было населено преимущественно купцами, мелкими чиновниками, мещанами. Один из жителей Замоскворечья как раз тех лет, когда Островский входил в литературу, так описывает вид из окна своей детской: «Детская моя помещалась в мезонине, на высоте третьего этажа и выходила на Малую Якиманку двумя окнами, из которых открывался великолепный вид на всю восточную окраину Москвы. На переднем плане, за каменными стенами и тесовыми заборами, виднелись сады со старыми липами, доставлявшими гостеприимный приют стаям галок и ворон, свивавшим на толстых сучьях просторные гнезда тем более беспрепятственно, что движение и езда по нашей Малой Якиманке были так незначительны, что забывалась ее близость к улицам, более людным и шумным. Из зелени кое-где проглядывали крыши и верхние этажи невысоких домов и прихотливые верхушки беседок. За ними видна была Большая Полянка с двигавшимися по ней экипажами и пешеходами. За нею вдаль уходила бесконечная панорама церквей, зданий и садов. На крайней левой стороне как на ладони возвышался Кремль со своими башнями, соборами и дворцами».

Такова была сцена, на которой вскоре развернется действие пьес Островского. Облик и бытовой уклад Замоскворечья произвели глубокое впечатление на будущего драматурга, и, вступая в литературу, он старался запечатлеть этот еще неизвестный русскому читателю мир. «Записки замоскворецкого жителя» называлось одно из первых произведений Островского, цикл очерков, опубликованный в июне 1847 г. в газете «Московский городской листок» без подписи.

В 1831 г. умерла мать Островского, оставив четверых детей. В 1835 г. Островский поступает в 1-ю Московскую гимназию на Волхонке (здание сохранилось, теперь в нем Институт русского языка Российской академии наук). Современники по-разному оценивают состояние обучения в гимназии. Во всяком случае, юноши того социального круга, к которому принадлежал

Островский, едва ли могли получить лучшее среднее образование в каком-либо другом казенном заведении. Гимназическая программа имела, как мы бы теперь выразились, гуманитарный уклон. Семья Островского владела хорошей домашней библиотекой, чтение было глубоко укорененной в семейном быту привычкой. А что может лучше формировать человека, чем книга, ставшая необходимостью?

Через год после поступления в гимназию будущего драматурга в доме Островских появилась мачеха, в девичестве баронесса фон Тессин, принадлежавшая к культурной дворянской семье шведского происхождения. Она постепенно изменила уклад домашней жизни Островских на дворянский лад. Детей стали учить музыке и языкам, прививать им навыки светского поведения.

Уже в гимназии проявились литературные склонности Островского и возник интерес к театру. Друг драматурга, петербургский актер Ф. А. Бурдин, вспоминал: «...Наши первые отношения с Александром Николаевичем начались с московской гимназии в 1840 г., где я учился с ним и его братом Михаилом Николаевичем. Александр Николаевич был старше нас на три класса, и тогда уже он любил театр, часто посещал его; мы с великим удовольствием слушали его мастерские рассказы об игре Мочалова, Щепкина, Львовой-Синецкой и др.».

Великий трагический актер П. С. Мочалов был настоящим властителем дум молодого поколения 1830–1840-х гг. Лучшие его роли — в пьесах Шиллера «Разбойники», «Коварство и любовь», «Дон Карлос», в трагедиях Шекспира «Гамлет», «Ричард III». М. С. Щепкин, основоположник реалистического стиля игры, был блестящим комиком, выдающимся исполнителем ролей в пьесах Гоголя, но успешно исполнял и драматические роли.

Несмотря на художественные наклонности старшего сына, Н. Ф. Островский считал необходимым дать сыновьям юридическое образование, которое открывало возможности карьеры и обогащения и на государственной службе, и в частных предприятиях. По его настоянию в 1840 г. А. Н. Островский поступает на юридический факультет Московского университета. В то время факультет давал не только узкоспециальное, но и достаточно широкое общее гуманитарное образование.

Московский университет традиционно пользовался любовью москвичей, он играл важную роль в общественной и культурной жизни России. Театральные интересы были распространены не только среди студенческой молодежи, но и в профессорских кругах. Русские ученые, дружившие с актерами, оказывали несомненное влияние на развитие театра. Так, М. С. Щепкин в речи на обеде, устроенном в его честь московской интеллигенцией, сказал: «К тому же все, что вы находите во мне достойным какой-либо оценки, принадлежит, собственно, не мне – все это принадлежит Москве; т.е. тому избранному, высокообразованному обществу, умеющему глубоко понимать искусство, которым Москва всегда была богата. Это общество при самом появлении моем на московской сцене... приняло меня в свой круг. В этом кругу было все: и литераторы, и поэты, и преподаватели Московского университета; тридцать лет я находился в этом кругу.

Правда, я не сидел на скамьях студентов, но я с гордостью скажу, что я много обязан Московскому университету в лице его преподавателей; одни научили меня мыслить, другие – глубоко понимать искусство».

Многие деятели русской культуры с благодарностью вспоминали лекции читавших на юридическом факультете профессоров П. Г. Редкина, Д. Л. Крюкова, Т. Н. Грановского, неважного лектора, но большого знатока русской древности М. П. Погодина. Слушал их и Островский. Но постепенно Островский начинает тяготиться занятиями на юридическом факультете. Вероятно, он все больше осознает, что добиваться успешной чиновничьей карьеры или стать дельцом на почве частной адвокатуры – не его удел. В мае 1843 г. Островский ушел из университета по собственному прошению, а осенью отец определяет его канцелярским служителем в Московский совестный суд. Этот суд был учрежден Екатериной II для разбора и решения дел «по совести», без долгого и сложного юридического слушания. Здесь разбирали преступления малолетних, слабоумных, совершенные из суеверия, а также тяжбы в тех случа-

ях, когда об этом просили их участники. Задуманный из гуманных соображений, суд этот, не имея твердых юридических оснований, давал особенно много возможностей для взяточничества и злоупотреблений. Уже в то время, когда в нем начал работать Островский, суд явно доживал последние дни. Вероятно, поэтому в конце 1845 г. Н. Ф. Островский устроил сына в Московский коммерческий суд, где работал сам. Здесь разбирались разные коммерческие преступления, мошенничества, в частности, чрезвычайно распространенные в эти годы злостные банкротства. Низшие чиновники имели настолько маленькое жалованье, что прожить на него было невозможно. Молчаливо предполагалось, видимо, что чиновники все равно живут не жалованьем, а поборами с клиентов. Так оно и было. Не стремившийся сделать карьеру и не бравший взятки Островский должен был чувствовать себя белой вороной.

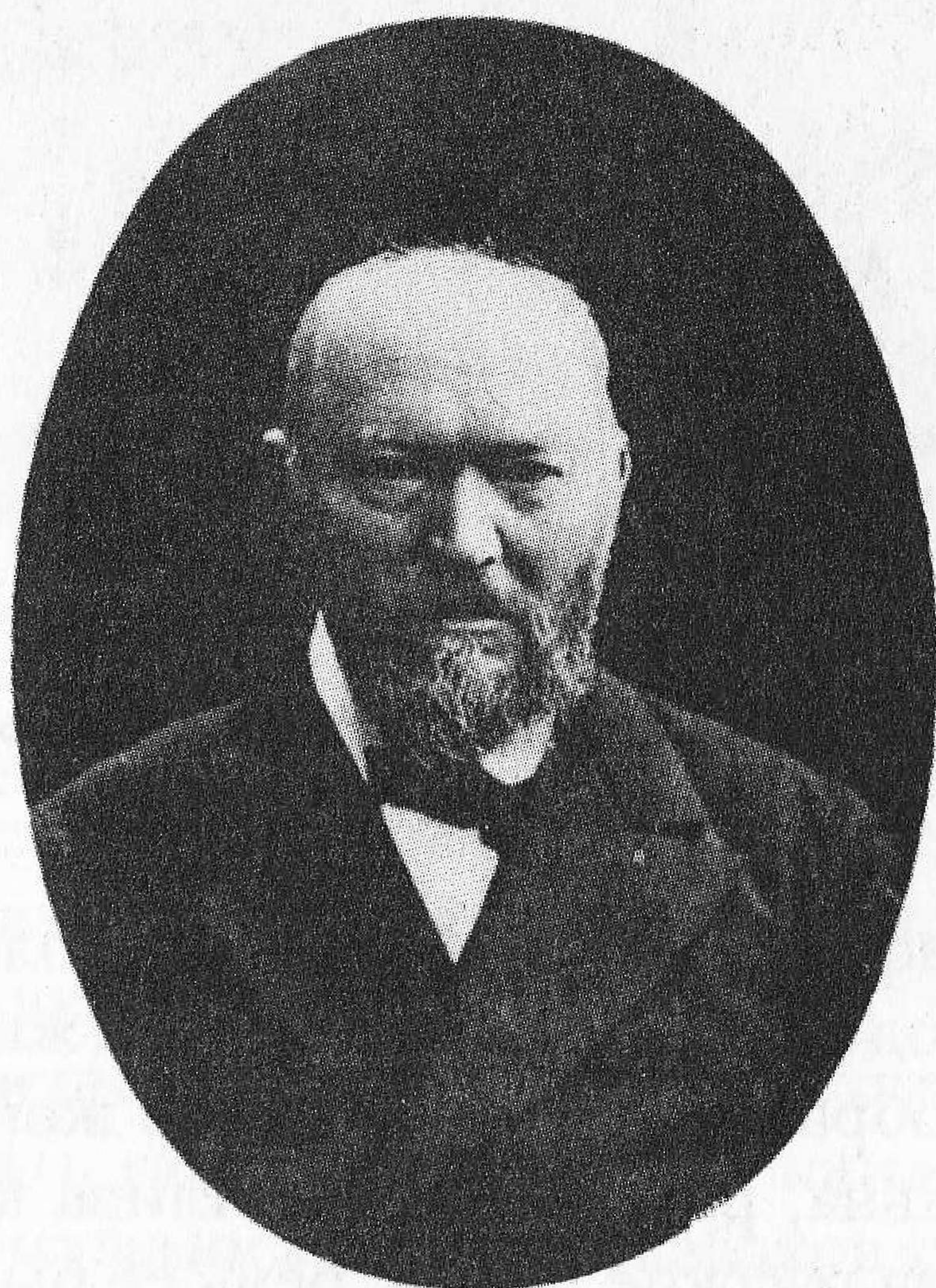
Перестав быть студентом, Островский, однако, не порвал с университетской средой. В эти годы он становится завсегдатаем знаменитой кофейни Печкина, где собирались студенты, литературная и театральная публика. Здесь можно было почитать газеты и журналы, а главное — познакомиться и подружиться с людьми, интересы которых были ему по-настоящему близки. У Печкина он подружился с Провом Садовским, основателем знаменитой актерской династии Малого театра, существующей и поныне. Содружество актера и драматурга впоследствии создало новую школу театральной игры. Здесь же Островский сблизился со студентами Т. И. Филипповым и Е. Н. Эдельсоном. Постепенно складывался кружок Островского, состоявший из молодых людей, увлеченных литературой и театром, а затем и объединенных интересом к народному творчеству — прежде всего песенному. В эти годы Островский начинает писать. И тут надо признать: нелюбимая работа в суде оказывается для Островского бесценным источником сюжетов, типов, живого языка.

Вхождение Островского в литературу связано с университетскими кругами. В газете «Московский городской листок», где появились его первые публикации, университетская профессура принимала активное участие. В 1847 г. филолог и поэт С. П. Шевырев, чьи лекции Островский слушал в бытность студентом, приглашает его прочесть в своем доме в присутствии близких ему литераторов первую из дошедших до нас пьесу «Картина се-

мейного счастья» (впоследствии писатель переименовал ее в «Семейную картину»). Все очень высоко оценивали пьесу, а хозяин дома подошел к автору, взял его за руку и сказал: «Поздравляю вас драматическим писателем». В 1885 г. Островский записал в альбоме историка М.И.Семевского: «Самый памятный для меня день в моей жизни: 14 февраля 1847 года <...> С этого дня я стал считать себя русским писателем и уж без сомнений и колебаний поверил в свое призвание».

Вообще 1847 г. оказался в жизни Островского богат событиями, сыгравшими большую роль в его жизни. В конце года он вступает в гражданский брак с мещанской девушкой Агафьей Ивановной (фамилия ее осталась неизвестна, портретов не сохранилось). Об официальном браке нечего было и думать, поскольку отец, от которого сын все еще материально зависел, никогда бы на него не согласился. А может быть, первоначально писатель и не понял, насколько серьезными окажутся эти отношения.

В конце этого года отец купил в Костромской губернии имение Щельково, куда весной и поехали всей семьей. Ехали «на долгих», то есть на одних и тех же нанятых на весь путь лошадях, останавливаясь на отдых и ночлеги. Впервые Островский увидел древние русские города Переславль Залесский, Ростов, Ярославль, родину предков Кострому. Дорога и встреченные люди произвели на него огромное впечатление, о чем он и написал в дневнике, который вел для оставшихся в Москве друзей. Впоследствии Щельково станет на всю жизнь любимым местом летнего отдыха и напряженной работы драматурга. Вскоре Островский берет Агафью Ивановну (Ганю, Агашу — как звали ее близкие) в дом, и с этих пор до смерти

А. Н. Островский.
*Фотография
со старинной открытки*

А. Н. Островский в роли Подхалюзина в любительском спектакле
«Свои люди — сочтемся»

Агафьи Ивановны (тяжело болевшей последние годы) 18 лет продолжается их совместная жизнь. Агафья Ивановна была малообразованной, но умной женщиной. Она была очень обаятельна, радушна, приветлива ко всем друзьям, замечательно пела русские песни, речь ее была яркой и сочной. Любившие ее друзья писателя считали, что знанием многих тонкостей простонародного языка и обихода, таким заметным в его пьесах, во многом он обязан Гане.

Два года Островский работает над большой комедией «Банкрот» (позже он изменил название на «Свои люди — сочтемся!») и в 1849 г. вместе со своим другом П. Садовским начинает читать ее во многих московских домах. Еще не напечатанная, комедия становится литературной сенсацией. Издатель журнала «Москвитянин» историк М. П. Погодин, старинный друг и коллега Шевырева, обращается к нему с просьбой познакомить с Островским и помочь привлечь его к сотрудничеству в журнале.

Дом Погодина на Девичьем поле стоял в саду, хозяин любил собирать у себя литературно-художественную и университетскую Москву. В свое время Погодина ценил Пушкин, у него Лер-

монтов читал «Мцыри» в присутствии Гоголя, жил некоторое время сам Гоголь, вернувшийся из-за границы. Вот и на чтение «Банкрота» декабрьским вечером 1849 г. приехали, кроме сотрудников «Москвитянина» поэта Мея и писателя Вельтмана ректор университета Перевошиков, писательница Ростопчина, дружившая с Лермонтовым, была и молодежь. Островский приехал с Провом Садовским. Во время чтения (Островский читал женские роли, а Садовский — мужские) вошел Гоголь и, стоя в дверях, дослушал пьесу до конца, после чего приветливо поговорил с молодым автором. Вскоре чтение состоялось и у Шевырева, где было много университетских профессоров (среди них М. С. Соловьев, Т. Н. Грановский, Ф. И. Буслаев), А. С. Хомяков, художник Федотов и многие другие. Всю зиму комедию читают с огромным успехом в московских домах, а вскоре списки ее попадают и в Петербург.

Островский, можно сказать, становится знаменитым, а его пьеса еще до публикации — едва ли не главным литературным событием года. Вскоре Погодин после энергичных хлопот, опираясь на свои дипломатические таланты и связи, а также репутацию благонамеренного журналиста, сумел опубликовать пьесу в мартовском номере «Москвитянина» за 1850 г. Успех был громадный, и не только у просвещенной публики. В трактирах (тогда там принято было читать газеты и журналы) книжку журнала рвали из рук, а в одном из замоскворецких кабаков кто-то за выпивку ежедневно читал ее вслух. Но при попытке Островского поставить пьесу на сцене разразился скандал. Дело решалось в Петербурге.

Пьеса была запрещена к постановке, а разрешившему ее публикацию попечителю Московского учебного округа генералу Назимову поручили вызвать автора и сделать ему внушение. Николай I на решении цензурного комитета написал: «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить». Жандармское управление заинтересовалось личностью автора и, получив благоприятный отзыв от непосредственного начальства Островского в суде, все же распорядилось установить за ним негласный надзор.

Так шумно — огромным общественным успехом, цензурным запретом и даже тайными полицейскими санкциями — началась литературная жизнь великого драматурга.

Участие Погодина в судьбе пьесы имело и еще одно важное следствие. Опала только побудила москвичей оказывать больше внимания молодому драматургу и всячески выказывать ему свои симпатии. Даже очень трудно общавшийся в то время с людьми Гоголь, по дороге на обед, который Погодин давал в его честь по случаю именин писателя, случайно встретив Островского, пригласил его с собой на это празднование. Погодин решил привлечь Островского и Мея в соредакторы «Москвитянина», который в это время совсем зачахнул. Сначала Островский колебался, понимая, как много сил понадобится, чтобы поднять журнал. Но с марта 1850 г. он решает попробовать и незаметно для себя с головой уходит в журнальную работу: правит рукописи, читает корректуры. Но главное — ищет свежие литературные силы. Наибольшая удача в этом отношении — привлечение А. Ф. Писемского, давшего в журнал повесть «Тюфяк». Выступил Островский и как критик, написал статью о повести Евгении Тур «Ошибка» (Е. Тур — псевдоним графини Салиас де Турнемир, урожденной Сухо-Кобылиной, сестры выдающего драматурга). Эта статья касалась и общих вопросов понимания литературы, ее места в жизни. Но вскоре Островский понимает, что невозможно добросовестные занятия по журналу совмещать с собственной творческой работой. Он начинает уговаривать Погодина пригласить в журнал Эдельсона, Филиппова, Алмазова — своих друзей, вчерашних студентов, и при этом дать новой «молодой редакции» больше свободы в определении линии журнала. В 1851 г. удалось договориться с Погодиным о появлении в журнале «молодой редакции», которая будет отвечать прежде всего за беллетристику и литературную критику, вести регулярный обзор журналов. К моменту возникновения «молодой редакции» в кружок Островского уже вошел Аполлон Григорьев, который и стал главным идеологом и критиком в «молодой редакции», как Островский — ее художественным центром. Кружок молодых сотрудников «Москвитянина» включал не только литераторов, но и актеров (П. М. Садовский, И. Ф. Горбунов), музыкантов (А. И. Дюбюк), художников и скульпторов (П. М. Боклевский, Н. А. Рамазанов). Москвитянинцы имели друзей среди «простонародья» — исполнителей и любителей народной песни. Словом, это была не только груп-

па литераторов-единомышленников, но и дружеский кружок, объединенный прежде всего любовью к народному искусству и вольным, близким к простонародному стилем жизни.

В январе 1851 г. Островский увольняется из Коммерческого суда, вызвав страшный гнев отца, отныне отказавшего сыну в материальной поддержке. С этого времени Островский ведет жизнь профессионального литератора, постоянно нуждаясь, а в молодости и просто бедствуя. Вот как описывает быт Островского М. И. Семевский, вспоминая, как он, тогда совсем молоденький гвардейский офицер, в 1855 г. посетил любимого писателя:

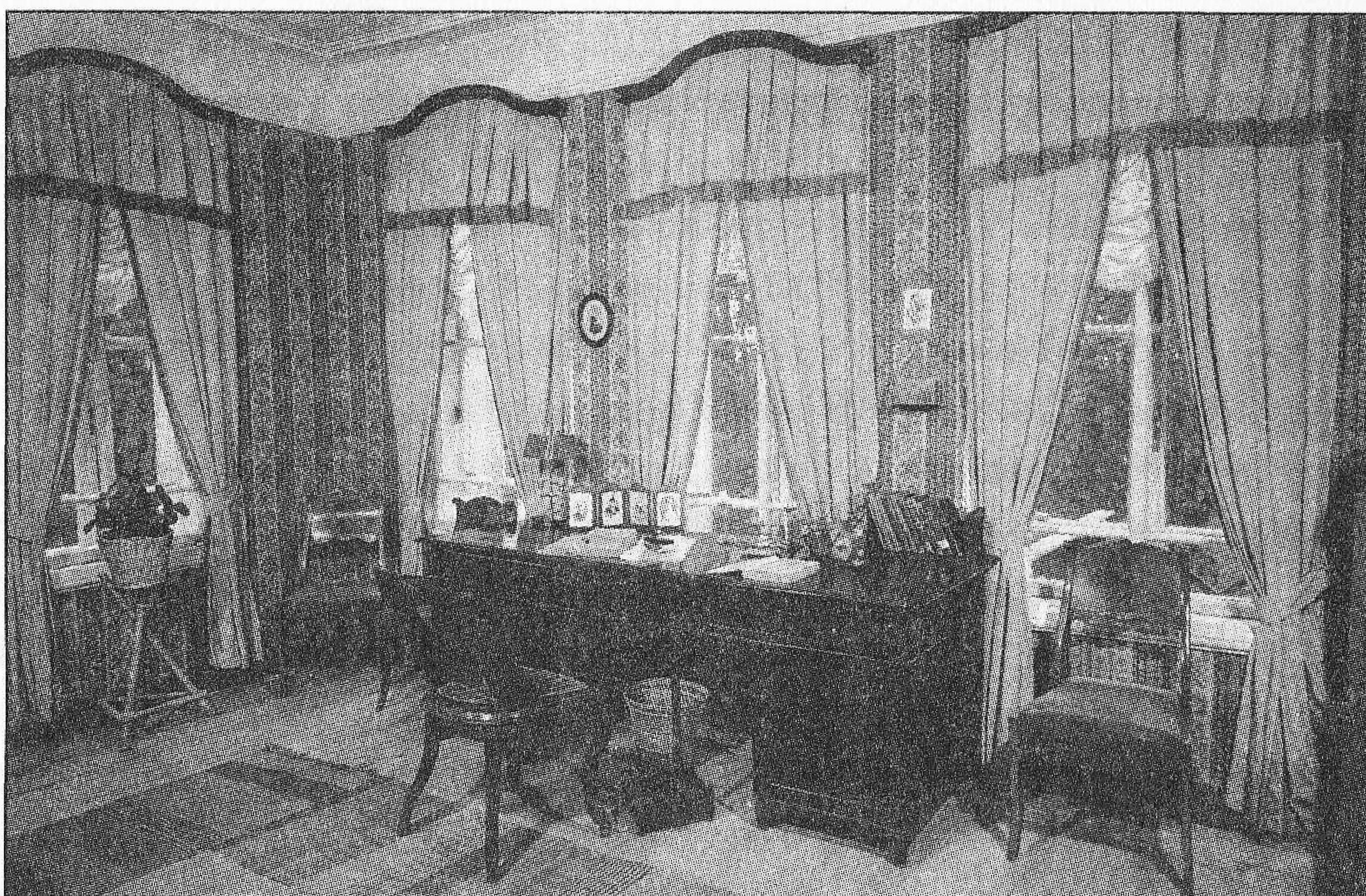
«В Серебряном переулке, у Николы Воробина <...> я набрел на собственный деревянный домик Островского. <...> По темной и грязной деревянной лестнице я поднялся в мезонин <...> Едва я отворил дверь (по обычаю московскому незапертую), две собачонки бросились мне в ноги. За собачонками явился мальчик с замаранной мордочкой и с пальцем во рту — знак, выражавший его изумление при взгляде на офицера, забредшего в такую пору; за мальчиком виднелся другой, за другим с вытаращенными глазами смотрела на меня кормилица с грудным младенцем. <...> Скинув с себя шинель, что исполнить было некому, я прошел влево через комнату, — старый лисий салоп просушивался на парадном месте, то есть на столе посреди комнаты. Наконец я вошел в третью маленькую комнатку, освещенную стеариновой свечкой: простой стол, одна сторона которого была завалена бумагами, и несколько стульев составляло мебель ее, за столом сидела женщина недурна собой, но, как видно, простого званья, и А. Н. Островский. <...> Бедность, которая проглядывала во всей квартире автора «Своих людей», не только не поразила меня неприятным образом, напротив того — в глазах моих Островский стал еще выше».

Позже, когда журнал прекратил существование, а пути друзей разошлись, все они вспоминали это время как «золотое». Островскому эти годы дали очень много в творческом отношении: глубокое, не из ученых сборников знание «живого» фольклора, речи и быта городского простонародья. В эти же годы в содружестве с таким ярким теоретиком, каким был Ап. Григорьев, складываются и остаются неизменными до конца жизни некоторые важнейшие эстетические убеждения Островского.

К 1850-м гг. в русской общественной мысли существовало два важнейших течения: западничество и славянофильство. Западники отстаивали необходимость развития России по пути европейских форм демократизации политической жизни (либералы — через реформы, революционные демократы — насильственным путем). Славянофильство было консервативно-оппозиционным направлением. Хотя в основе его концепции лежала идея религиозного смирения, признание монархии лучшей формой правления, но современное состояние России они считали неприемлемым. Славянофилы вообще настороженно относились к государству, а те бюрократические формы, которые приняла монархическая власть в России к середине XIX в., были, по их представлениям, извращением монархической идеи. Идеальная монархия в России, как они считали, должна быть властью отеческой. Государственной власти славянофилы оставляли лишь внешние формы управления, народ же имел право на полную внутреннюю свободу, независимость. Отсюда — требование свободы слова как необходимого условия осуществления права народа на внутреннюю свободу, свободу мысли. Крепостное право большинство славянофилов считало несовместимым с требованием свободы жизни для народа. Современное состояние России славянофилы считали результатом «порчи» от реформ Петра I.

Сильной стороной славянофильства был призыв к русскому образованному обществу обратиться к изучению народного быта, поэзии, русской истории. Считая коренными слоями крестьян и помещичье дворянство, в наибольшей мере сохранившими национальные устои, славянофилы критически относились к городской цивилизации. Направление мысли, которое вырабатывалось в «Москвитянине», позже было развито Достоевским и получило название почвенничества. Оно не отвергало петровских реформ и стремилось соединить сильные стороны западников и славянофилов. Одной из характерных черт критики Григорьева была вражда к «теории». Под этим он подразумевал кабинетное, книжное отношение к жизни и к искусству, стремление предписать им законы, сочиненные, а не выведенные из жизни. Такими кабинетными теоретиками Григорьев в равной мере считал и западников и славянофилов. Он провозглашал безграничную веру в живую, «органическую»

жизнь, любовь и внимание ко всем ее проявлениям. Видя глубокое расхождение между дворянской и народной жизнью, подлинной он считал народную. Для него главное в народной жизни — ее коренные нравственные начала, которые живут в преданиях и верованиях народа и которым, по его мнению, принадлежит будущее. Эти коренные начала, эта «народная правда» и должны находить отражение в искусстве. Понятно поэтому, что описание старинных форм быта, их поэтизация

Кабинет А. Н. Островского в Щелькове.

Фотография

в пьесах Островского этого времени — не украшение, а важнейший элемент его картины мира, образное воплощение его системы ценностей.

Таким образом, из «москвитянинского» периода Островский вынес стойкое недоверие ко всякому теоретизированию, к идеологической фразе и внимание к стихийным проявлениям жизни, веру в творческие возможности не только просвещенной личности, но и неразвитой, однако свежей и непосредственной.

В 1885 г., перечисляя наиболее важные события своей жизни, Островский записал: «Мои пьесы долго не появлялись на сцене. В бенефис Л. П. Косицкой, 14 января 1853 года, я испы-

тал первые авторские тревоги и первый успех. Шла моя комедия «Не в свои сани не садись», она первая из всех моих пьес удостоилась попасть на театральные подмостки». За этими сдержанными строчками — не отступившее за десятилетия воспоминание о наверняка самой волнующей премьере за всю театральную жизнь драматурга. «Мои пьесы долго не появлялись на сцене» — это несколько лет цензурных запретов или таких поправок цензоров, после которых ставить было просто нечего (как было с пьесой «Бедная невеста»). Наконец комедия «Не в свои сани не садись» прошла цензуру. Островский отдал пьесу для бенефисного спектакля Л. П. Косицкой, с которой был дружен, а потом и увлекся ею. Косицкая (в замужестве Никулина) возвращалась на сцену после перерыва, связанного с рождением дочери, и тоже волновалась: как ее примет публика? не забыты ли ее прежние успехи? Для тревоги была причина и в выборе пьесы для бенефиса. Комедия Островского — из простонародного быта, о любовной драме с благополучным концом, разыгравшейся в маленьком провинциальном городе, где милая и наивная девушка из добропорядочного купеческого семейства потеряла голову от ухаживаний разорившегося дворянского прожигателя жизни, мечтающего о ее богатом приданом, и позволила увезти себя из родительского дома, от доброго старика отца. Узнав, что отец не даст приданого (старик отлично понимает, что дворянскому жениху нужны только деньги), «пылкий влюбленный» прогоняет девушку, которую от души прощает и берет замуж бывший жених, небогатый молодой купец. Премьера состоялась на сцене Большого театра. Героиня — неслыханное дело — впервые играла в ситцевом, простом платье. Слезы мешались со смехом. Публика была растрогана и восхищена. Успех был полный. Сыгранная через некоторое время в Петербурге, пьеса одобрена царем. Это было очень важно, потому что снимало опалу с имени Островского и предубеждение цензоров, с которым они до этого встречали все его пьесы.

Положение Островского в театре окончательно укрепил последовавший вскоре настоящий триумф комедии «Бедность не порок» с Провом Садовским в роли Любима Торцова. Стало ясно, что начиналась новая эпоха в театре. «Шире дорогу! Правда по сцене идет. Любим Торцов — правда!» — так, по воспоми-

наниям И. Ф. Горбунова, воскликнул «постоянный театральный посетитель и знаток», учитель русской словесности. И слово правды говорит со сцены не исторический герой, не условный молодой влюбленный, а простой купец, к тому же обедневший и опустившийся, но сохранивший доброту, ум, желание помочь хорошим людям. Именно Любим заставил раскаяться своего богатого брата, решившего было ради переезда в Москву, где он намеревается «всякую моду подражать», выдать дочку за злого старика вдовца. Людей, подобных Любиму, зрители не раз видели в жизни, но никто не думал, что о таком человеке можно написать пьесу. Вдобавок события происходили на Святки, и светлая атмосфера народного праздника, песен, ряженья — все это противостояло грубости и причудам самодура Гордея Торцова, изменившего традиционному укладу и смешно подражающего образованным сословиям.

Итак, уже сложившаяся репутация замечательного писателя получила подкрепление театральными успехами. Вскоре Островскому предложили принять участие в литературной экспедиции, организованной Морским министерством для изучения обычаев, языка и ремесел населения, связанного с речным и морским промыслом. Островскому досталась Верхняя Волга, от истоков до Нижнего Новгорода. В 1856 и 1857 гг. он совершил это путешествие, во время которого вел дневник, собрал материалы для словаря речных и рыболовных терминов. По этим материалам позже написал очерк для «Морского сборника», но главное — получил множество впечатлений, которые многие годы питали его творчество. Отразились они и в «Грозе», действие которой происходит в вымышленном глухом волжском городке Калинове (он будет потом еще дважды упомянут в других пьесах — «Лес» и «Горячее сердце»).

«Гроза» вдохновлена и личными впечатлениями от путешествия, и рассказами Л. П. Косицкой о своем детстве на Волге. Поведанная Катериной Варваре история о том, как, чем-то обиженная, она в детстве села в лодку и уплыла по Волге, как раз случилась с самой Косицкой.

Пьеса Островского стала не только литературным, но и общественным событием — так бурно она обсуждалась, столько вызвала споров и разнообразных толкований, оценок и мнений, от восторженных до возмущенных «безнравственностью»

А. Н. Островский.
Фотография 1860-х гг.

пьесы. Но, пожалуй, все, кто писал о ней, поняли, что суть пьесы не в изображении быта и характеров, как бы ярки и выпуклы они ни были. За этим стоит более общий, всех касающийся смысл. Дух старинного уклада с его подлинно высокой моралью, как показал Островский, уже исчез из жизни — осталась только мертвая, давящая оболочка. Все молодые герои пьесы лишь внешне исполняют патриархальные заповеди. Катерине же, по-прежнему воспринимающей жизнь с позиции нравственных идеалов уходящей в прошлое эпохи, невозможно

примиришь любовь и совесть. Судьба Катерины обретает в пьесе символический смысл. Гибнет не только героиня пьесы — гибнет и уходит в прошлое патриархальная Россия. Пьеса Островского как бы запечатлела народную Россию на переломе, на пороге новой исторической эпохи.

В 1860 г. «Гроза» удостоена Уваровской премии, которая присуждалась Академией наук за лучшее драматическое произведение года. К середине 1860-х гг. в сознании читателей уже сложилось представление о «Театре Островского». Литературные критики, зрители — все уже понимали, что он «первый драматический писатель». Его пьесы регулярно идут на сценах московского и петербургского императорских театров — и, можно сказать, идут под давлением постепенно сформировавшегося в середине века нового зрительного зала, более демократического. Теперь успех (в том числе и коммерческий — сборы) уже не зависит всецело от реакции дворянской элиты, как это было прежде. Театральное начальство (а дирекцию театра возглавлял крупный чиновник придворного ведомства) никогда не было особо расположено к Островскому, считая, что он «на-

воднил сцену армяками». При постановке его пьес старались не тратить денег на декорации и костюмы, премьеры назначали в невыгодное время и т.п. Наконец отношения с театральным начальством так обострились, что драматург всерьез начинает думать о полном отказе от работы для сцены.

В связи с постановкой в Петербурге своей хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» он пишет актеру Александринского театра Ф. А. Бурдину, своему приятелю еще с гимназических лет: «Это, кажется, будут последние мои театральные хлопоты. Объявляю тебе по секрету, что я совсем оставляю театральное поприще. Причины вот какие: выгод от театра я почти не имею (хотя все театры в России живут моим репертуаром); начальство театральное ко мне не благоволит — а мне уж пора видеть не только благоволение, но и некоторое уважение, без хлопот и поклонов с моей стороны ничего для меня не делается; а ты сам знаешь, способен ли я к низкопоклонству; при моем положении в литературе играть роль вечно кланяющегося просителя тяжело и унизительно».

И все же, конечно, Островский не смог расстаться с театром, делом всей своей жизни. Более того, хотя он и придавал большое значение исторической драме, считая ее важным воспитательным средством, все же он был художником остросовременным. Ведь и «открытие страны Замоскворечье» тем так и удивило современников, потому и вошло в нашу культуру навсегда, что тут как бы остановившаяся жизнь предстала в гущи современных перемен, и, например, «Свои люди — сочтемся!» — это ведь замоскворецкие «Отцы и дети». Недаром комедия внезапно оборачивается драмой, а грубый и простодушный купец Большов — «купеческим королем Лиром», по выражению одного из современников. Эта современность пьес Островского усиливается в пореформенный период.

В 1868 г. Островский пишет сразу две пьесы: «На всякого мудреца довольно простоты» и «Горячее сердце». Первая из них настолько злободневна — действие ее почти совпадает с момен-

том написания, — настолько переполнена намеками на современные процессы в пореформенном обществе, что, с одной стороны, имела оглушительный успех на сцене: автора начали вызывать еще до конца спектакля, с другой же стороны, она поставила в тупик некоторых критиков, уже привыкших к сложившемуся представлению о «пьесе Островского». Здесь же и лица совершенно другие (московское дворянское и чиновничье общество), и новые черты поэтики — смелое обращение к театральной условности (вроде дневника, случайно попадающего в чужие руки и предопределившего развязку), явные параллели с классической драматургией (вспоминали то «Горе от ума», то «Школу злословия» Шеридана) и даже некоторые приемы водевильного комизма.

«Горячее сердце», напротив, поражало некоторой нарочитой неопределенностью эпохи и вообще социальных примет — не то крепостное время, не то после; с одной стороны — неслыханное в прежние времена быстрое обогащение одного из героев, с другой

М. В. Островская, жена писателя

стороны — градоначальник, действующий, как во времена воевод. Да еще Хлынов, полубезумевший от своего богатства, заставляет свою свиту не только поливать дорожки шампанским и сопровождать пальбой из пушек каждый выпитый им бокал, но и разыгрывать в натуре, на природе народную драму «Лодка», устраивая в лесу «разбойничьи» засады и пугая проезжих. Яркость необычных, чудных персонажей, некоторая даже избыточная театральность — словом, неожиданное буйство сценических красок, но постепенно понимаешь, что перед тобой — некий удивительный комический эпос русской жизни, очень большая степень

Дом-музей А. Н. Островского в Щелькове.

Фотография

обобщенности самых разнообразных ее черт: и опасных, грозящих частному, обыкновенному человеку бедой и страданием, и светлых, радостных, поворачивающих судьбу к лучшему.

В 1867 г., тяжело проболев последние годы, скончалась Агафья Ивановна, которая оставалась с драматургом до конца, хотя у него к этому времени имеется фактически уже другая семья. В 1869 г. он венчается с матерью своих детей актрисой Марией Васильевной Васильевой (Бахметьевой) (от второго брака у Островского было четверо сыновей и две дочери; дети же Агафьи Ивановны рано поумирали).

Растущая семья, как и другой образ жизни, отличный от того, что Островский вел с Ганей, более «дворянский», по вкусам Марии Васильевны, требовал все больше денег, и выбраться из нужды, вовсе не тревожиться о том, как прожить и поставить детей на ноги, Островскому так и не удалось до конца жизни.

К концу 1860-х гг. жизнь драматурга совершенно устоялась. К январю — написать пьесу для «Отечественных записок», премьера в московском Малом, премьера в петербургском Александринском, распределение ролей, хлопоты, связанные с прохождением пьес в цензуре и Театрально-литературном комитете. Волнения — будет ли успех? По окончании театрального сезона, весной — неперемный отъезд на лето в Щельково, которое Островский с братом выкупили у мачехи в 1867 г. Здесь драматург отдыхает от московских тревог и суеты, занимается любимой рыбной ловлей, сидя с удочкой над Куекшей или Сендегой. Местные крестьяне, среди которых у него немало приятелей, сделали ему для этой цели кресло из кованых полос железа (хранится в щельковском музее, а копия — в московском, на Малой Ордынке). Но и в Щелькове он много работает, пишет пьесы, читает присылаемые ему рукописи начинающих драматургов, которым всегда старается помочь профессиональным советом. «Зачем вы приложили конверт? Никогда так не делайте», — выговаривает он студенту, написавшему ему, чтобы получить разъяснения, как играть роль Незнамова в «Без вины виноватые».

Всегда нуждавшийся Островский тем не менее отличался редкой добротой и щедростью, не отказывал в просьбах. Он хорошо помнил свое нищенское существование в молодости, когда дома иногда вовсе не бывало денег и приходилось идти в редакцию к Погодину из Замоскворечья на Девичье поле через полгорода, иной раз в мороз, ненастье, пробираясь через сугробы в легком пальто: на шубу денег не было.

Собственный жизненный опыт и свойство личности — склонность к активному добру — определили и характер его общественной деятельности. Островский был одним из учредителей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859 г.).

Наблюдая жизнь актеров, хорошо представляя себе ее не только материальные, но и психологические сложности, свя-

занные с особенностями актерского труда и с неопределенностью социального статуса актеров, Островский вместе с Н. Г. Рубинштейном организовал в Москве Артистический кружок. Это был актерский клуб, где можно отдохнуть и встретиться с друзьями. Но очень скоро стараниями Островского клуб приобрел также и функции своего рода театрального училища. В спектаклях Артистического кружка овладевали актерским ремеслом, совершенствовали свое мастерство. Островский с гордостью писал: «Артистический кружок некоторым образом заменил театральную школу, он дал московской сцене М. П. Садовского, О. О. Садовскую и В. А. Макшеева. В нем же в первый раз познакомилась московская публика с огромным талантом П. А. Стрепетовой».

Еще одним делом, очень важным для жизни людей, писавших для театра, была борьба Островского за охрану их авторских прав. Наконец в 1870 г. было учреждено Собрание русских драматических писателей, позже преобразованное в Общество русских драматических писателей и оперных композиторов. Общество следило за тем, чтобы не только столичные императорские театры, но и провинциальные частные антрепризы платили авторам, а также издавало тексты пьес для нужд театров. Эти перемены относятся уже к 1870—1880-м гг.

Островский был не только создателем национального репертуара, но и очень активным театральным деятелем, несмотря на то что никакой официальной должности в театральном ведомстве он не имел до самых последних месяцев своей жизни.

В 1881 г. Островский назначен в комиссию по переустройству театрального дела, но все свелось к чисто формальным изменениям, ничто из многочисленных проектов Островского, направленных на улучшение художественного уровня императорских театров, не реализовалось. Тогда он стал добиваться разрешения открыть свой частный театр (в столицах все еще существовала монополия императорских театров), но когда получил разрешение и стал собирать средства от меценатов, монополию отменили, и богатые люди стали быстро строить доходные частные театры, нисколько не стремясь превратить их в «училища масс». Островский понял, что не сможет с ними конкурировать, и решил поступить на службу, с тем чтобы иметь официальные полномочия для улучшения театрального дела.

В 1884 г. в официальном письме человеку, который мог бы помочь в получении такого места, Островский снова излагает свою программу необходимых перемен в театре и пишет о своем уникальном месте в нем (огромный авторитет в литературе и у актеров и отсутствие всякого официального положения), чтобы обосновать право на должность: «Моя задача — служить русскому драматическому искусству. Другие искусства имеют школы, академии, высокое покровительство, меценатов. Для драматического искусства покровительственным учреждением должен был бы быть императорский театр, но он своего назначения давно не исполняет, и у русского драматического искусства один только я. Я — все: и академия, и меценат, и защита».

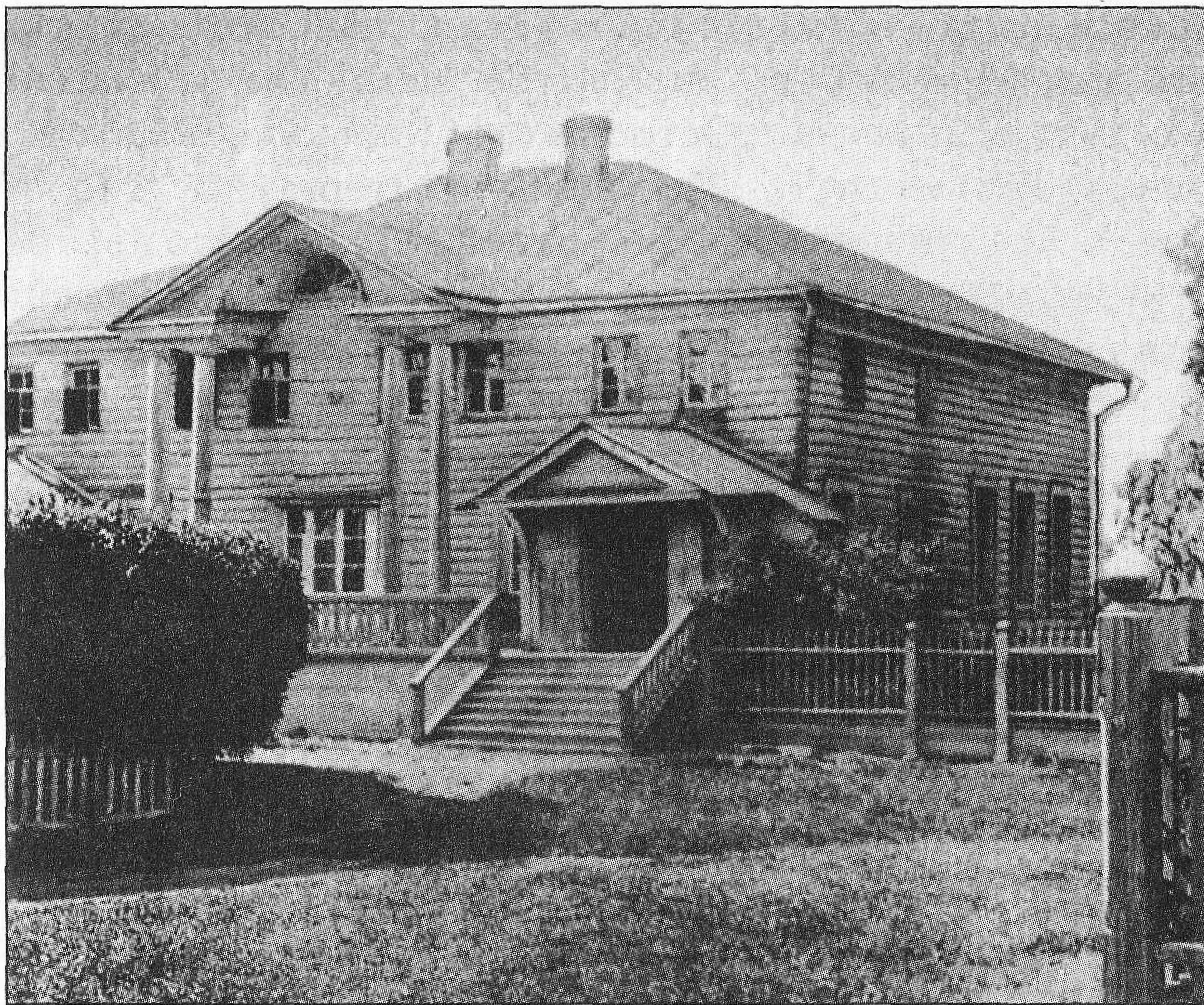
После унижительного ожидания, вызванного отчаянным противодействием многих театральных чиновников, за полгода до смерти Островский наконец получает место заведующего репертуарной частью Московского Императорского театра и, отложив все свои творческие дела, невзирая на усиливающуюся болезнь сердца, приступает к наведению порядка в театре. «Дали белке орех, когда зубов не осталось», — горько шутил Островский...

В конце мая совершенно больной драматург уезжает в Щелыково, надеясь, что любимые места помогут ему окрепнуть к началу театрального сезона. Отдохнув после тяжелой дороги, он и правда почувствовал себя несколько лучше и сразу же взялся за свой перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира.

Ярким летним утром жена отправилась к обеду, а Островский сел за письменный стол. Здесь он и умер от разрыва сердца.

Островского похоронили у церкви Николо-Бережки. Скромная могила на деревенском погосте, без пышных похорон, сопровождаемых общественными выступлениями, как это было у других его современников-классиков. Так закончилась физическая жизнь великого труженика Островского, и так скромно, без деклараций и пышных речей, началось его бессмертие в русской культуре.

В конце жизни Островский в каком-то очередном споре с театральным начальством резко заявил: «В настоящее время я — хозяин русской сцены». И вот уже пошло второе столетие, как это «настоящее время» возвращается и возвращается, чтобы сказать людям новых поколений такую правду о

Дом А. Н. Островского в Щелькове.
Фотография А. М. Кондратьева. 1889 г.

них, какой не услышать и от живых современников. Возвращается волнами — как и у всех классиков, просто в театре это нагляднее...

Островский — хозяин русской сцены, но и сама эта сцена, русский театр, благодаря фигуре Островского, всей его жизни и творчеству заняла особое место в русской культуре и русской литературе. В культурно-общественной жизни России театр едва ли не доминировал еще с последней трети XVIII в., и мы этого уже касались. Но Островскому выпала роль закрепить, упрочить это важнейшее место театра именно как литературного явления, связующего разные стороны русской жизни. И даже ее эпохи: эпоху еще почти пушкинскую с уже почти чеховской. Для людей XX в. можно сказать — современной...

Связующего неразрывно, целостно: «Свои люди — сочтемся!» и «Лес» — пьесы о совсем различных людях, разном укладе, времени, мироощущении, нравах. Остро, вживую выраженных, как всегда у Островского. Но при этом там и там — мир

Островского, по-своему органично целостный, пожалуй, как ни у кого другого в русской литературе. Немногие из классиков XIX в. прожили дольше Островского: Гончаров, Толстой. Но Гончаров отошел от художественной литературы, а Толстой вошел с ней в слишком сложные отношения, так что портреты эпох в «Детстве», «Отрочестве» и «Юности» и в «Воскресении» сравнивать трудно. Не было в нашей литературе авторской личности, которая бы сумела так крепко связать воедино живым художественным свидетельством разные этапы, фазы, даже разные обличия истории, как удалось это Островскому.

Без любимого Щелькова, без Волги, скорее всего, не было бы ни «Грозы», ни «Леса», ни «Бесприданницы», ни «Снегурочки». Не было бы того лирического Островского, какого мы знаем. И самый образ России Островского не был бы настолько живым и полным.

При этом мир Островского, мир его персонажей очень устойчив, постоянен дух этого мира, тон людских отношений и речей, потому что он изначально универсален. Широко, приемлет смех и слезы, готов и к горю, и к счастью и меняется от сцены к сцене, от пьесы к пьесе, различается от персонажа к персонажу в той же мере, в какой различаются между собой живые люди и сменяются впечатления живой жизни. Театр Островского — настоящий драматический эпос: мир единый при необычайном разнообразии.

В этом театре встречаются и действуют люди различных сословий: дворяне, мещане, купцы, актеры, чиновники, а ведь такое — и не всегда вполне добровольное — движение навстречу, на сближение всех со всеми и определяло лицо и историю России XIX в., которой приходилось изживать крепостничество и его наследие — жесткое сословное разделение. Знаменательно, что такое же движение происходило и в театре уже вполне в буквальном смысле — в театральном зале, помещении под крышей, в начале века очень не часто посещавшемся необразованной публикой, неблагогородной... Были благородные собрания. Дворянские. Были и купеческие собрания. А бывало собрание и дворянское, и купеческое, и всеобщее, и созвать в роли хозяйки всех на такое собрание долгое время могла только та самая русская сцена, на которой, как мы знаем, хозяином был Островский...

То же можно сказать о самой художественной системе пьес Островского: все его герои говорят своим, присущим каждому языком — или автор, хозяин говорит с каждым на его языке. То есть язык-то у всех один, русский, речь о другом: о манере изъясняться, речевой фактуре, первостепенно важной в театре — как и фактура всего облика, поведения — и такой существенной в сословно и социально разделенном обществе.

Есть известный пример: рецензент первого представления оперы Глинки на императорской сцене уподобляет это представление появлению в благородном собрании фигуры мужика с возгласом «Здорово, ребята!..» как примеру самой вопиющей нелепости, какую можно придумать. Анекдоту... Декабристы считали, что жертвуют собой ради народа, но как с народом разговаривать, не знали, поскольку уже в котором поколении смотрели на «народ» как на что-то от себя отдельное, иноприродное. Живая русская речь Островского — среда, общая для всех героев, объединяет всех без затруднений, хоть иногда не без смешных эпизодов. И всегда с особым удовольствием от речи для зрителя и читателя.

Островского, в общем, можно назвать антидворянским писателем. Купечество ему явно больше по сердцу. И благородного героя-дворянина вроде Чацкого мы в его пьесах не встретим. Подобные герои-любовники — Ваня Бородкин, Петр Семибратов, Платон Зыбкин — у него какие-то другие. Дворяне у Островского бывают и смешны, и неприятны. Но он отнюдь не стремится осмеивать благородные речи, унаследованные от «дворянской» литературы, во что бы то ни стало, если они благородны не только по манере, фактуре, а и по существу.

И один из самых благородных, эффектных и известных героев Островского — третий-перетертый странствующий актер

А. Н. Островский.

С портрета художника В. Г. Перова

Несчастливцев — дворянин Гурмыжский — смешон, но и весьма внушитель. И трогателен. А студент Мелузов наверняка не приветствовал бы попыток выяснять его сословное происхождение, но литературно он уничтожает своих противников ничем не хуже Чацкого, хоть и не стихами: «Я просвещаю, а вы развращаете...» Так что и этому сильнейшему сценическому средству былых времен — эффектным благородным речам благородного героя — в хозяйстве хозяина русской сцены находится свое место... При том, что склеивает-объединяет эту речевую среду все-таки первым делом клей самый универсальный — та речь, которой Островский владел, как, может быть, никто другой из его соседей по литературе, та, которую и звали народной.

.....

Хроника жизни

1823 г., 31 марта — в Москве родился А. Н. Островский.

1835 г. — поступление в 3-й класс 1-й Московской гимназии.

1840—1843 гг. — студент юридического факультета Московского университета.

1843—1851 гг. — служба в Московском совестном и Московском коммерческом судах.

1847 г. — читает в доме С. П. Шевырева пьесу «Картина семейного счастья». Этот день (14 февраля) считал началом литературного пути.

1849 г. — читает у М. П. Погодина пьесу «Банкрот» («Свои люди — сочтемся!») в присутствии Гоголя.

1851—1855 гг. — участие в «молодой редакции» журнала Погодина «Москвитянин».

1853 г. — премьера комедии «Не в свои сани не садись» в Москве.

1856—1857 гг. — экспедиция по Волге по заданию Морского министерства.

1860 г. — присуждение Уваровской премии Академии наук за драму «Гроза».

1865 г. — создание Артистического кружка.

1870 г. — по инициативе Островского учреждено Собрание русских драматических писателей, позже преобразованное в Общество русских драматических писателей и оперных композиторов.

1870 г. — выступление на обеде для участников пушкинских торжеств по случаю открытия памятника Пушкину в Москве.

1882 г. — общественные чествования Островского в связи с 35-летием его литературной деятельности.

1883 г. — путешествие по Кавказу с братом, министром государственных имуществ М. Н. Островским.

1886 г., 2 июня — Островский умирает за письменным столом в своем имении Щельково.